

ОТДѢЛЪ II.

I. КРИТИКА.

Gustave Schlumberger. *L'Épopée Byzantine à la fin du dixième siècle. Jean Tzimiscès. Les jeunes années de Basile II le Tueur de Bulgares.* (969—989). Paris. Hachette et Cie. 1896. Prix 30 fr. VI+799 стр.

Имя академика Густава Шлумбергера давно уже заняло почетное мѣсто среди ученыхъ, трудящихся въ области византійской исторіи. Въ зрѣломъ возрастѣ, имѣя уже степень доктора медицины, онъ заинтересовался нумизматикой, издалъ большой трудъ о монетахъ латинскаго Востока, то есть государствъ, основанныхъ франками въ Палестинѣ, Сиріи и Греціи въ періодъ крестовыхъ походовъ (*Numismatique de l'Orient latin*, увѣнчана преміей Института въ 1878 г.), затѣмъ перешелъ собственно къ византійской имперіи и обнаружилъ капитальное и драгоценное сочиненіе о *печатахъ* византійскихъ (*Sigillographie de l'empire Byzantin*), занялся византійской археологіей, а затѣмъ обратился къ всестороннему изученію византійской исторіи во второй половинѣ X столѣтія.

Изученіе монетъ и печатей имѣло своимъ результатомъ появленіе капитальнаго труда, положившаго прочное основаніе ученой извѣстности г. Шлумбергера «*Sigillographie de l'Empire Byzantin*» Paris. 1884. Первымъ плодомъ его занятій въ области византійской исторіи X вѣка былъ появившійся въ 1890 году въ Парижѣ обширный трудъ о царствованіи императора Никифора Фоки (963—969) «*Nicéphore Phocas*». Часть многочисленныхъ публикацій г. Шлумбергера, касающихся византійской археологіи и появлявшихся въ различныхъ журналахъ, была собрана авторомъ и издана отдѣльнымъ томомъ подъ заглавіемъ «*Mélanges d'archéologie byzantine*». Première série. Paris. 1895.

Всѣ эти труды, доказывающіе живую ученую дѣятельность автора, его замѣчательное трудолюбіе, усидчивость и любовь къ наукѣ, нашли въ свое время справедливую оцѣнку съ указаніемъ какъ ихъ достоинствъ, такъ и недостатковъ.

Новый объемистый трудъ г. Шлумбергера, озаглавленный имъ «Византійская эпическая поэма», представляетъ изъ себя продолженіе его сочиненія о царствованіи Никифора Фоки; онъ заключаетъ въ себѣ время императора Іоанна Цимисхія и первые тринадцать лѣтъ общаго правленія Василия II Болгаробойцы и Константина VIII, т. е. періодъ византійской исторіи съ 10 декабря 969 года до момента крещенія Руси и отправленія въ Кіевъ царевны Анны въ 989 году ¹⁾).

Г. Шлумбергеръ не собирается остановиться на этомъ и хочетъ продолжать свои изысканія.

«Слѣдующій томъ, рукопись котораго уже почти окончена, говоритъ авторъ въ предисловіи, доведетъ читателя до конца общаго правленія Василия и Константина, т. е. до 1025 года, излагая ему безконечныя перипетіи болгарской войны, которая продолжалась болѣе сорока лѣтъ, окончательное подавленіе этой національности и царской династіи Шишманидовъ, затѣмъ присоединеніе къ имперіи княжествъ армянскаго и грузинскаго; поражающіе походы Василия въ Сиріи; первыя столкновенія съ норманнами въ Италіи и, наконецъ, военное величіе византійской имперіи во время этого знаменитаго императора-воина. Если Богъ дастъ мнѣ жизни, я расскажу послѣ этого, въ одномъ или двухъ томахъ, короткое правленіе Константина VIII послѣ смерти его брата Василия, столь странныя и смутныя царствованія его дочерей Зои и Θεодоры и супруговъ и любовниковъ первой изъ этихъ царевенъ до отреченія стараго Михаила VI Стратіотика въ 1057 году. Этотъ годъ возведенія на престолъ Исаака Комнина обозначаетъ конецъ блестящей династіи императоровъ македонскаго рода. Такимъ образомъ, я издамъ анналы за цѣлый вѣкъ византійской исторіи со времени вступленія на престолъ Никифора Фоки до вступленія другого не менѣе доблестнаго полководца, какимъ былъ первый изъ императоровъ Комниновъ,— за цѣлый вѣкъ, которымъ до сихъ поръ занимались лишь на столько, чтобы описать его на нѣсколькихъ сотняхъ страницъ, какъ это сдѣлалъ Лебо. Тогда я передамъ перо будущему историку эпохи Комниновъ» (Introduction, p. II).

Для своего новаго сочиненія г. Шлумбергеру приходилось считаться съ громадными трудностями. Дѣйствительно, какъ ни странно, время императора Василия Болгаробойцы, время славы, блеска и могущества Византіи, принадлежитъ къ періодамъ наиболѣе бѣднымъ источниками; по поводу весьма важныхъ и интересныхъ событій приходится довольствоваться нѣсколькими словами, неопредѣленными указаніями, намеками. Кромѣ того, этотъ періодъ византійской исторіи принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ въ европейской ученой литературѣ, и только вопросъ о русско-византійскихъ войнахъ и вообще о русско-византійскихъ

1) На этотъ трудъ г. Шлумбергера появилось нѣсколько отзывовъ въ иностранныхъ журналахъ. Изъ русскихъ рецензій намъ извѣстна благопріятная рецензія проф. О. Успенскаго «Византійская эпическая поэма». Москва, 1897; у насъ въ рукахъ находится отдѣльный оттискъ.

отношеніяхъ за это время имѣеть довольно обширную русскую литературу, которою, какъ мы увидимъ ниже, весьма добросовѣстно воспользовался авторъ разбираемаго труда.

«Я перечелъ, говоритъ г. Шлумбергеръ въ другомъ мѣстѣ предисловія, то небольшое, что написано о Василіѣ II и его времени. Я перебралъ сотни томовъ и мемуаровъ, чтобы отыскать въ нихъ иногда указаніе въ три строчки или, что случалось чаще всего, чтобы ничего не найти. Я тщательно изучилъ всѣ источники, какъ греческіе, такъ латинскіе, арабскіе, армянскіе, грузинскіе и славянскіе. Я не пренебрегалъ никакими источниками: рукописями, миниатюрами, надписями, монетами, печатями, остатками архитектуры. Я просмотрѣлъ житія святыхъ и рѣдкія произведенія современной поэзіи. Опираясь на превосходные труды Рамзая по географіи Анатолиі, я возстановилъ во всѣхъ подробностяхъ маршруты азіатскихъ походовъ Варды Склира. Терпѣливо, съ картою въ рукахъ, я сдѣлалъ то же самое для столь многочисленныхъ болгарскихъ кампаній. Этой работы еще никогда не предпринимали. Что касается Болгаріи, то въ этомъ отношеніи особенно будутъ въ состояніи меня судить во второмъ томѣ. Благодаря новымъ указаніямъ, сообщаемымъ частью драгоценной сирійской хроники яхъи, переведенной и такъ замѣчательно объясненной барономъ Розеномъ, я самъ написалъ главы, почти цѣликомъ неизданныя, о войнахъ ратниковъ Василія въ Сиріи противъ африканскихъ войскъ египетскихъ Фатимидовъ и ихъ вассаловъ. Этотъ кропотливый мозаичный трудъ мнѣ стоилъ громаднхъ усилій, потребовалъ тысячъ часовъ работы, въ которой не усумнятся тѣ, кто сдѣлаетъ честь меня прочесть. Я счелъ бы себя вполне вознагражденнымъ за мою работу, если бы нѣкоторые голоса специалистовъ признали, что этотъ большой трудъ будетъ полезенъ для разъясненія еще столь темной восточно-европейской исторіи въ концѣ X вѣка. (Introd. p. III—IV)».

Книга г. Шлумбергера не представляетъ изъ себя настоящаго строго ученаго изслѣдованія. Написанная живымъ, увлекательнымъ языкомъ она рассказываетъ, повѣствуетъ о событіяхъ и тѣмъ самымъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ требованіямъ большой читающей публики, для которой она, вѣроятно, преимущественно и предназначалась. Помѣщенные въ текстѣ, прекрасно выполненные рисунки еще болѣе оживляютъ чтеніе. Надо замѣтить, что г. Шлумбергеръ при выборѣ предметовъ, изображаемыхъ на рисункахъ его книги, по мѣрѣ силъ старался, чтобы они принадлежали эпохѣ, современной описываемымъ имъ событіямъ. Для пополненія своихъ свѣдѣній и для большаго богатства рисунковъ г. Шлумбергеръ предпринялъ путешествіе въ Россію: — былъ на развалинахъ древняго Херсонеса въ Крыму и проѣхалъ русскую Арменію до знаменитыхъ развалинъ Ани, столицы династіи Пагратидовъ во время Василія II. «Если бы трудъ Шлумбергера, говоритъ проф. Успенскій, появился двумя мѣсяцами позднѣе, то онъ могъ бы увеличить иллюстраціи той части, которая трактуеть о русско-византійскихъ отношеніяхъ, новымъ, недавно

пущеннымъ въ научное обращеніе матеріаломъ. Въ роскошномъ изданіи проф. Кондакова «Русскіе клады», изданномъ въ Петербургѣ въ 1896 г., указано на рукопись Скилицы, хранящуюся въ національной бібліотекѣ Мадрида, заключающую въ себѣ множество миниатюръ, по сюжету прямо относящихся къ событіямъ X вѣка... Въ книгѣ проф. Кондакова воспроизведены четыре миниатюры: княгиня Ольга, свиданіе и переговоры Цимисхія съ Святославомъ и чудо съ евангелиемъ передъ русскимъ княземъ»¹⁾.

Книга г. Шлумбергера распадается на одиннадцать главъ.

Первая глава (стр. 1—59) излагаетъ событія, слѣдующія тотчасъ за насильственной смертью Никифора Фоки 10 декабря 969 года и доводитъ ихъ до пораженія русскихъ при Аркадіополѣ въ 970 году. Рисуя живымъ, образнымъ языкомъ событія, пользуясь трудами русскихъ ученыхъ — барона Розена, Дринова, Черткова, Бѣлова, полемизируя съ послѣдними, г. Шлумбергеръ даетъ яркое описаніе начала правленія Іоанна Цимисхія, къ которому относится весьма сочувственно. Въ чемъ можно упрекнуть автора, это въ его частыхъ глухихъ, неопредѣленныхъ ссылкахъ, которыми изобилуетъ и предыдущая его работа о Никифорѣ Фокѣ; поэтому при чтеніи его труда и при желаніи провѣрить его сообщенія бываетъ весьма трудно справляться съ источниками; въ этой главѣ встрѣчается весьма немного точныхъ ссылокъ.

На стр. 20-й въ третьемъ примѣчаніи г. Шлумбергеръ пишетъ: *Iahia est seul à dire par erreur que Jean Tzimiscès épousa Théophano après le meurtre de Nicéphore*. Намъ очень хотѣлось бы знать, гдѣ Яхья говоритъ объ этомъ бракѣ. Арабскій хронистъ дѣйствительно упоминаетъ о бракѣ Іоанна Цимисхія, но съ Θεодорой, а не съ Θεοφάνο²⁾. Можетъ быть, это опечатка; но въ *errata* она не помѣчена. Впрочемъ надо сознаться, что въ дальнѣйшемъ изложеніи подобныя темныя ссылки встрѣчаются рѣже.

Здѣсь можно указать на одну особенность изложенія г. Шлумбергера. Увлекаясь иногда драматическими положеніями дѣйствующихъ лицъ разсказа, онъ рисуетъ цѣлыя картины изъ своего воображенія и такимъ слогомъ, который отнюдь не подходитъ къ историческому ученому труду. Для примѣра мы приведемъ текстъ автора, слѣдующій за описаніемъ удаленія Іоанномъ Цимисхіемъ матери Василія и Константина Θεοφάνο въ монастырь на островъ Проти.

«Не найти въ исторіи другого примѣра столь драматическаго положенія, не вообразить болѣе внезапной, болѣе полной перемѣны въ чело-вѣческой жизни, которая, казалось, находилась у своего апогея! Увы! хронисты разсказываютъ намъ объ этихъ всѣхъ интересныхъ фактахъ чуть ли не въ двухъ строкахъ! Какъ они обязали бы насъ, разсказавъ

1) Успенскій. Визант. эпическая поэма, стр. 10.

2) Бар. Розенъ. Императоръ Василій Болгаробойца. С. Петербургъ 1883, стр. 0,63.

намъ объ этомъ подробнѣе! Можно-ли постигнуть ужасное изумленіе невыразимую ярость государыни? Она была императрицей Востока, правительницей за двухъ своихъ сыновей вазилевсовъ; она была все еще молода, прекрасна, обожаема, первая женщина въ то время подъ небеснымъ сводомъ. Движимая, можетъ быть, заразъ ненавистью, любовью и честолюбіемъ, а можетъ быть скорѣе болѣе благороднымъ желаніемъ охранить своихъ сыновей, которымъ угрожалъ Никифоръ, она убила съ помощью своего любовника своего стараго супруга. Она сама направляетъ шаги убійцъ, дрожащихъ въ эту страшную ночь! Обреченная жертва жалкимъ образомъ гибнетъ. Убійца-любовникъ садится на императорскій тронъ. Теофано болѣе, чѣмъ когда-либо, считаетъ себя полновластной императрицей съ тою только разницею, что она покинула ложе мистическаго и грубаго Никифора для ложа пылкаго и хитраго, еще молодого армянина, который, какъ она воображала, былъ связанъ съ нею узами бурной страсти. Она уже въ своей обольстительной головкѣ строитъ блестящіе планы жизни вдвоемъ во всемъ величій власти. Вдругъ священникъ, удрученный лѣтами, умирающій старецъ становится мстителемъ между нею и этою почти уже сбывшеюся мечтою. Полювкъ уже замирающимъ голосомъ кричитъ Іоанну Цимисхію: «Если ты хочешь, царь, вступить во Святое Мѣсто, чтобы я тамъ короновалъ тебя, если ты хочешь истинно царствовать надъ этой безпредѣльной имперіей, то прежде всего необходимо пожертвовать супругой, которая вооружила твою руку. Это условіе необходимо. Изгони, изгони Теофано съ твоего ложа, изъ твоего дворца, изъ твоей столицы; иначе ты не будешь царствовать!» И любовникъ, который, какъ несчастная думала, былъ связанъ съ ней навсегда самымъ преступленіемъ ихъ, доказывая, такимъ образомъ, насколько онъ любовь къ верховному сану ставилъ выше своей страсти, сдѣлавшей его убійцей, склоняется передъ приговоромъ старца безъ слова протеста, безъ тѣни сопротивленія. Тотчасъ онъ приноситъ въ жертву ту, которую, по его утверженію, онъ такъ любилъ. Видѣли-ли когда-нибудь болѣе горькій обманъ, болѣе неожиданное паденіе! Отчаяніе, удивленіе, ярость Теофано доходили до крайности. Какая пытка для подобной женщины покинуть верховный санъ, роскошный «коитонъ» Священнаго Дворца для голой, холодной, грязной кельи одного изъ мрачныхъ монастырей острововъ, съ тою утонченностью мученья, что съ каждой скалы необработаннаго Проти несчастная не могла поднять глазъ безъ того, чтобы не видѣть на первомъ планѣ садовъ и строеній того зданія, гдѣ она такъ долго царила и которое каждый вечеръ ярко освѣщалось скрывающимся за вершинами Олимпа солнцемъ! Быть почти равной божеству, видѣть ежедневно блестящую толпу патриціанокъ хранимаго Богомъ города, распростертыхъ у своихъ ногъ, которыя онѣ цѣловали, и превратиться въ одинъ часъ въ жалкую схимницу въ монастырѣ острововъ! Вынести такое оскорбленіе отъ человѣка, котораго любили и котораго только что возвели рядомъ съ собою на тронъ! Испытаніе было

жестоко, и Теофано не была женщиной, которая могла съ достоинствомъ его перенести» (стр. 20—22).

Вторая глава (стр. 59—112) описываетъ малоазіятскія возстанія Варды Фоки, бракъ Іоанна Цимисхія на Теодорѣ, сестрѣ Романа II, и русскую кампанію, доведенную въ этой главѣ до осады Доростола. Отвергая вполне значеніе русской лѣтописи и особенно полемизируя съ русскимъ изслѣдователемъ Бѣловымъ (см. напр. стр. 116 пр.), г. Шлumberгеръ говоритъ: «однимъ словомъ изъ всѣхъ страницъ, посвященныхъ лѣтописью борьбѣ русскихъ съ Іоанномъ Цимисхиємъ въ Болгаріи, только тѣ, повидному, представляютъ изъ себя нѣкоторый характеръ истины, которыя относятся къ окончившему борьбу договору. Я не стану скрывать, что въ этихъ очень важныхъ пунктахъ я нахожусь въ противорѣчii съ мнѣніемъ русскихъ историковъ Черткова, Бѣлова и другихъ, которые болѣе спеціально занимались этимъ вопросомъ. Я думаю, что горячій патріотизмъ заставлялъ иногда этихъ выдающихся ученыхъ идти по ложной дорогѣ» (стр. 151). Для доказательства недостоверности лѣтописи г. Шлumberгеръ приводитъ дословно ея разказъ объ этой войнѣ въ переводѣ Лежера (стр. 152—159) ¹⁾.

Красиво, хотя нѣсколько фантастично изображено г. Шлumberгеромъ положеніе осажденной Силистріи. «Немногія изъ великихъ военныхъ сценъ, говоритъ онъ, могли представить болѣе жгучій интересъ. Въ центрѣ, Селистрія со своимъ высокимъ валомъ, усѣянными башнями, полными защитниковъ, со своими улицами, площадями, покрытыми гигантскими войнами съ сиплой, звонкой рѣчью, воинами странными со льдовъ Скиѳи, страшными звѣрьми въ кольчугахъ; вокругъ нихъ печенѣги, угры, плѣнные болгары, «всѣ народы орды», одѣтые въ звѣриныя шкуры. На югѣ, обширный лагерь византійской арміи, кишачій тысячами солдатъ столькихъ національностей, длинное сверканіе этой удивительной стѣны щитовъ и копій, воткнутыхъ въ землю, эволюціи всадниковъ, марши и контрмарши цѣхоты, оканчивающихъ обложеніе города, великолѣпныя одѣянія императора и военначальниковъ, блестящее войско Безсмертныхъ. На сѣверѣ, мрачный Дунай, медленно текущій въ своей широкой долинѣ, сотни, можетъ быть тысячи русскихъ барокъ, скученныхъ на берегу какъ стадо, далѣе въ видѣ обширнаго полукруга греческій огненосный флотъ съ шелковыми флагами, съ цвѣтными парусами, костюмы тысячи матросовъ, тѣсно блокирующихъ вражескія моноскислы и непрестанно наблюдающихъ за ними, чтобы преградить имъ всякое отступленіе. За этимъ, безконечная равнина, голая и печальная, до тумановъ Скиѳи, и можетъ быть вдали какая нибудь бродячая шайка венгерскихъ всадниковъ, пришедшихъ для грабежа, привлеченныхъ какъ коршунъ запахомъ рѣзни, созерцающихъ въ удивленіи со своихъ тощихъ лошадей это неслыханное зрѣлище» (стр. 122—123).

1) Chronique dite de Nestor, éd. Leger. Paris. 1884. (Publications de l'École des Langues orientales vivantes. II série. — Vol. XIII).

Третья глава (стр. 113—184) излагаетъ русскую войну до конца, рассказываетъ о смерти Святослава, возвращеніи Іоанна Цимисхія въ столицу и отмѣнѣ налога *καπιχόν*.

Такимъ образомъ русская кампанія изложена авторомъ въ трехъ главахъ. Надо сознаться, что г. Шлумбергеръ съумѣлъ очень искусно воспользоваться матеріаломъ, заключающимся въ русскихъ и греческихъ источникахъ и далъ живое и образное изложеніе этой борьбы ¹⁾. Очень жаль, что при упоминаніи объ отмѣнѣ налога *καπιχόν* г. Шлумбергеръ ограничивается лишь слѣдующими словами на 183-й страницѣ: «*cette taxe établie sur chaque cheminée du foyer*», и въ примѣчаніи на той же страницѣ: «*c'était l'impôt du fouage de nos pays d'Occident*»; здѣсь же имъ приводится мнѣніе проф. Васильевскаго о томъ, что это была со стороны Іоанна Цимисхія мѣра временная, только на одинъ годъ, въ память побѣды надъ Святославомъ, а не окончательная отмѣна. По нашему мнѣнію, автору нужно было бы подробнѣе остановиться на этомъ налогѣ; такъ напримѣръ, имъ даже не указаны несогласныя мнѣнія о значеніи *καπιχόν* такихъ двухъ ученыхъ какъ Цахаріэ-фонъ-Лингенталъ и В. Г. Васильевскаго ²⁾.

Четвертая глава (стр. 185—262) говоритъ объ отношеніяхъ Византійской имперіи къ имперіи Оттоновъ, ихъ столкновеніяхъ въ Италіи и подробно останавливается на бракѣ византійской принцессы Теофаніи, которую г. Шлумбергеръ склоненъ считать сестрою императоровъ Василія и Константина. Обращаемъ вниманіе на прекрасное факсимиле, приложенное къ книгѣ, брачнаго акта императора Оттона II съ Теофаніей, написаннаго на пергаментѣ, подлинникъ котораго хранится въ Вольфенбюттелѣ (стр. 202). Остальная часть главы посвящена подробному изложенію столкновеній Іоанна Цимисхія съ восточными арабами, кончая тѣмъ моментомъ, когда въ 974 году византійская армія, находясь уже недалеко отъ Багдада и будучи вполне готова идти на него, вдругъ должна была отступить.

Въ пятой главѣ (стр. 263—326), рассказавъ о сверженіи патриарха Василія и возведеніи на патриаршій престолъ Антонія, г. Шлумбергеръ подробно излагаетъ второй блестящій походъ Іоанна Цимисхія въ 975 г. противъ арабовъ, когда Сирія, Финикія и Палестина признали его власть и могущество. При изложеніи этого похода авторъ изъ источниковъ ставитъ безусловно на первое мѣсто дѣйствительно въ высшей степени драгоценный, точный и подробный памятникъ—письмо Іоанна Цимисхія къ армянскому царю Ашоду III, дошедшее до насъ въ хроникѣ армянскаго

1) См. Успенскій. Визант. эп. поэма. стр. 6, гдѣ авторъ рецензіи указываетъ на слишкомъ большое довѣріе, оказываемое г. Шлумбергеромъ сочиненію Черткова.

2) Zachariä von Lingenthal. Zur Kenntniss des römischen Steuerwesens въ Запискахъ С.-Петербур. Акад. Наукъ за 1863 годъ. Васильевскій. Матеріалы для внутренней исторіи византійскаго государства (Журн. Мин. Нар. Пр. 1880, июль, стр. 369—370).

писателя Матвѣя Эдесскаго, гдѣ императоръ описываетъ своему союзнику шагъ за шагомъ свои успѣхи въ борьбѣ съ арабами. Г. Шлумбергеръ приводитъ цѣликомъ текстъ этого письма (стр. 283—290). Здѣсь же приложены авторомъ еще два письма Іоанна Цимисхіа, дошедшія до насъ также благодаря Матвѣю Эдесскому. Первое письмо написано Льву, армянскому военному правителю Дорона; изъ него видно, что императоръ обращается съ Армেনіей, какъ со своею вассальною страной (стр. 291). Второе письмо написано Цимисхіемъ извѣстному армянскому ученому Леонтію, котораго онъ приглашалъ къ себѣ въ Константинополь (стр. 292). Разказавъ о неожиданной смерти Цимисхіа г. Шлумбергеръ, этотъ жаркій его почитатель, говоритъ: «такъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ самый блестящій, самый храбрый, можетъ быть, самый лучшій изъ византійскихъ императоровъ (стр. 314)». «Память о немъ, говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, остается запятнанной большимъ преступленіемъ. Не будь этого, онъ съ полнымъ правомъ могъ бы считаться однимъ изъ великихъ императоровъ Востока. Его мужественная рука возвратила имперіи лучшіе дни римской исторіи. Побѣдивъ русовъ, болгаръ, халифовъ Багдада и Каира, покоривъ Сирію, Палестину, Месопотамію, живя въ мирѣ съ германскими Оттонами, будучи хорошимъ администраторомъ и блестящимъ вождемъ, щедрый, великодушный, рыцарскій, онъ сумѣлъ увеличить славу византійской исторіи въ тотъ самый моментъ, когда во Франціи династія Каролинговъ угасала въ безпечности долгаго и жалкаго правленія Лотаря (р. 315 — 316)». Г. Шлумбергеръ кончаетъ пятую главу изложеніемъ двухъ поэтическихъ произведеній Іоанна Геометра на смерть Іоанна Цимисхіа, описаніемъ монетъ его царствованія и отношеній императора къ аеонской лаврѣ, которой, какъ извѣстно, Цимисхій далъ хрисовуллъ, называемый типикомъ Іоанна Цимисхіа, подтверждавшій льготы монастыря и оставшійся до сихъ поръ закономъ для монаховъ св. Горы (стр. 323 — 324).

Шестая глава (стр. 327—396) излагаетъ событія первыхъ лѣтъ совмѣстнаго правленія Василя и Константина, т. е. азіатское возстаніе Варды Склира, которое авторъ доводитъ до пораженіе флота мятежниковъ императорскими кораблями.

Въ VII-й главѣ (стр. 397—454) г. Шлумбергеромъ доводится до конца возстаніе Варды Склиры, окончившееся, какъ извѣстно, побѣдою надъ нимъ Варды Фоки. Недавно англійскій ученый Вугу въ своей интересной статьѣ «Iveron and our Lady of the Gate» ¹⁾, разбирая три источника, касающіеся основанія аеонскаго иверскаго монастыря, указалъ, что г. Шлумбергеръ, слѣдуя сочиненію Броссе «Histoire de la Géorgie», ошибочно приписываетъ въ этой главѣ греческій рукописный текстъ Московской Синодальной бібліотеки Евѣимію ²⁾.

1) Напечатана эта статья въ Hermathena. Vol. X, No. XXIII. 1897. Мы имѣемъ въ рукахъ отдѣльный оттискъ.

2) Вугу. Iveron and our Lady of the Gate, p. 75.

Восьмая глава (стр. 455—538) имѣетъ своимъ содержаніемъ изложеніе итальянскихъ дѣлъ преимущественно въ южной Италиі до момента смерти германскаго императора Оттона II, супруга византійской принцессы Теофаніи, 7 декабря 983 года. Надо сознаться, что этотъ темный періодъ византійско-арабско-германскихъ отношеній, о которомъ ничего не говорятъ византійскіе анналы, очень полно и живо обрисованъ г. Шлумбергеромъ, который старается пользоваться всѣми доступными ему источниками; такъ значительная часть главы посвящена житію южно-итальянскаго святого Нила, одному изъ очень немногочисленныхъ памятниковъ, бросающихъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя стороны и обстоятельства этого запутаннаго періода.

Девятая глава (стр. 539—584) излагаетъ однообразныя столкновенія византійцевъ въ пограничныхъ съ арабами областяхъ на востокъ въ Сиріи съ владѣтельнымъ правителемъ Алеппо Саад-ад-Даулой и египетскимъ халифомъ. Въ заключеніи этой главы г. Шлумбергеръ сопоставляетъ извѣстія объ интересномъ, но плохо освѣщенномъ источниками фактѣ удаленія изъ дворца и изгнанія всемогущаго паракимомена Василія. Самый фактъ насильственнаго удаленія отъ дѣлъ паракимомена молодымъ императоромъ напоминаетъ автору эпизодъ изъ современной европейской исторіи, а именно отношенія германскаго императора Вильгельма II къ Бисмарку.

Въ десятой главѣ (стр. 585—672) г. Шлумбергеръ, слѣдуя по вопросу о существованіи самостоятельнаго западнаго болгарскаго царства Шишмана и его сыновей всецѣло по книгѣ Дринова «Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ», изъ которой онъ приводитъ цѣлыя страницы (см. стр. 594—598), излагаетъ и сопоставляетъ скудныя дошедшія до насъ свѣдѣнія о счастливомъ вторженіи болгарскаго царя Самуила, проникнувшаго до самаго Пелопоннеса. Надо здѣсь замѣтить, что г. Шлумбергеръ особенное вниманіе удѣляетъ трудамъ проф. Васильевскаго, какъ то «Совѣты и рассказы византійскаго боярина» и его статьѣ объ Іоаннѣ Геометрѣ¹⁾, изъ которыхъ онъ приводитъ довольно большія выдержки. Эта длинная глава оканчивается рассказомъ о пораженіи Василія болгарами въ Траяновыхъ Воротахъ въ 986 году.

Послѣдняя одиннадцатая глава (стр. 673—777) излагаетъ событія, слѣдующія за этимъ пораженіемъ, рассказываетъ о бѣгствѣ Варды Склира изъ багдадскаго плѣна, о возмущеніи Варды Фоки. Послѣднее даетъ поводъ г. Шлумбергеру коснуться первоначальныхъ страницъ русской исторіи, прослѣдить, на основаніи работъ проф. Васильевскаго, бар. Розена и Успенскаго, судьбу шеститысячнаго русскаго отряда среди византійскихъ войскъ и его побѣду надъ сторонниками Варды Фоки. Авторъ является сторонникомъ теоріи проф. Успенскаго, высказанной послѣднимъ въ рецензіи на книгу бар. Розена²⁾, относительно участія русскихъ

1) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1881 г., томъ 216 и 217, и 1876 г. мартъ мѣс., т. 184.

2) Жур. Мин. Нар. Просв. 1884 г. апрѣль, т. 232, стр. 282—315.

въ болгарскихъ войскахъ Самуила во время его войны съ Византіей и въ знаменитомъ пораженіи Василя у Траяновыхъ Воротъ 17 августа 986 года; но г. Шлумбергеръ всетаки говоритъ, что эта теорія основывается «sur les données tellement clairsemées, sur le témoignage de quelques mots d'une interprétation si délicate, qu'on doit hesiter encore avant de leur accorder une autorité historique absolue (стр. 715)». Освобождение Варды Склира изъ багдадскаго плѣна и вступленіе его на византійскую территорию г. Шлумбергеръ сравниваетъ съ бѣгствомъ Наполеона съ Эльбы, а слѣдующее пораженіе Варды Склира съ Ватерло (стр. 678).

Говоря о варягахъ, г. Шлумбергеръ замѣчаетъ: «русскіе варяги имѣли въ Византіи особую церковь Варяжской Божьей Матери, которая возвышалась противъ западной стороны св. Софіи въ непосредственномъ ея сосѣдствѣ (стр. 723)». Относительно этого мѣста проф. Успенскій въ своей рецензіи говоритъ: «отмѣтимъ частный фактъ, представляющій большой интересъ для исторіи русско-византійскихъ отношеній, если онъ подтвердится. Русскіе имѣли въ Константинополѣ свою церковь Варяжской Богородицы (Panagia Varangiotissa)» ¹⁾. Г. Шлумбергеръ, какъ мы видѣли, сообщаетъ объ этомъ какъ объ установившемся фактѣ, ссылаясь только на сочиненіе Belin «Histoire de l'Eglise Latine de Constantinople» Paris, 1872. Имѣя въ рукахъ эту довольно слабую работу, мы узнали, что объ этомъ ея автору сообщилъ извѣстный греческій ученый — археологъ Паспатисъ ²⁾, который позднѣе въ 1885 году объ этомъ дѣйствительно говорилъ въ своемъ сочиненіи о «Византійскихъ Дворцахъ», заимствуя свои свѣдѣнія изъ Патриаршихъ Константинопольскихъ Актовъ, напечатанныхъ у Мюллера и Миклошича ³⁾. Въ этой грамотѣ отъ февраля мѣсяца 1361 года идетъ рѣчь о передачѣ монастыря Варангіотиссы Алексію Софіану; о мѣстоположеніи монастыря говорится, что онъ находился позади алтаря храма св. Софіи и былъ посвященъ Пресвятой Владычницѣ и Богоматери, извѣстной подъ названіемъ Варангіотиссы ⁴⁾. Но эта грамота очень поздняго происхожденія, второй половины XIV вѣка, не даетъ никакихъ поясненій о началѣ этого монастыря; поэтому, по нашему мнѣнію, по крайней мѣрѣ теперь нельзя говорить такъ утверди-

1) Успенскій. Визант. эпич. поэма. стр. 11.

2) Belin. Hist. de l'Eglise Latine de Constantinople. Paris. 1872, p. 166. Тѣ же слова Паспатиса о храмѣ Варяжской Богородицы Belin повторяетъ и во второмъ изданіи этой книги Histoire de la Latinité de Constantinople. Deuxième édition, préparée et considérablement accrue par l'auteur, revue, augmentée et continuée jusqu'à notre temps par Le R. P. Arsène de Chatel. Paris. 1894, p. 21.

3) Πασπάτης. Τὰ Βυζαντινὰ Ἀνάκτορα. Ἐν Ἀθήναις. 1885: ὄπισθεν τοῦ ἱεροῦ βήματος τοῦ παμμεγίστου καὶ θειοτάτου ναοῦ τῆς τοῦ Θεοῦ Σοφίας τὸ εἰς ὄνομα τιμώμενον τῆς Θεοτόκου τῆς Βαρχγγιωτίσσης (p. 87).

4) Acta Patriarchatus Constantinopolitani (Miklosich et Müller Acta et Diplomata Graeca medii aevi. Vol. I, Vindobonae, 1860): Synodus monasterium Varangiotissae committit Alexio Sophiano.—τὸ ὄπισθεν τοῦ ἱεροῦ βήματος τοῦ παμμεγίστου καὶ θειοτάτου ναοῦ τῆς τοῦ Θεοῦ λόγου Σοφίας διακεῖμενον μονῆριον, τὸ εἰς ὄνομα τιμώμενον τῆς πανυπεράγνου δεσποίνης καὶ θεομήτορος καὶ ἐπιτεκλημένον τῆς Βαρχγγιωτίσσης (p. 423).

тельно о храмѣ для русскихъ варяговъ, какъ это дѣлаетъ г. Шлумбергеръ, при изложеніи событій X вѣка. Приведемъ по этому поводу слова такого глубокаго знатока византійской археологіи какъ проф. Кондаковъ. «Во времена Палеологовъ, говоритъ онъ, и въ частности въ концѣ XIV вѣка появляется рядъ грамотъ, относящихся къ монастырямъ, ихъ старостамъ и игумнамъ. Переименованія становятся обычнымъ явленіемъ, и въ этомъ главная причина появленія многихъ намъ неизвѣстныхъ именъ, данныхъ однако не новымъ постройкамъ или придѣламъ, а старымъ церквамъ. Обычай этотъ идетъ рядомъ съ появленіемъ въ иконописи и въ частности въ иконографіи Богородицы той игры словъ и понятій, которыми позднѣйшіе иконописцы опредѣляли мелкія и нерѣдко случайныя изображенія Панагіи. Такъ изъ актовъ узнаемъ о церквахъ Панагіи Кастеліотиссы, Варангіотиссы (Варяжской = Русской) и пр. и пр. Усилія разобратъ въ этомъ матеріалѣ врядъ ли могли бы привести къ чему либо или дать интересные результаты»¹⁾.

Эта XI глава останавливается на моментѣ отправленія сестры Василія и Константина Анны въ далекую Тавроскію для брака съ русскимъ великимъ княземъ Владиміромъ. «Какой трагическій, безконечный контрастъ, восклицаетъ г. Шлумбергеръ, между блестящимъ и пріятнымъ существованіемъ въ Константинополѣ и тѣмъ, которое она съ этихъ поръ должна была вести! Ея старшая сестра Теофано, уже много лѣтъ тому назадъ, также покинула блестящіе берега Золотого Рога и удивительные своими мозаиками залы Большого Священнаго Дворца для отдаленнаго союза въ туманныхъ странахъ сѣвера; но она по крайней мѣрѣ нашла величественный и пышный императорскій дворъ, христіанскую цивилизацію, хотя и болѣе грубую, но гдѣ женщина и княгиня уже пользовались уваженіемъ; она сдѣлалась невѣсткой могущественнаго западнаго цезаря, почти равнаго кесарю румовъ; теперь къ несчастью вдова, она была всемогущей и всѣми уважаемой регентшей за своего малолѣтняго сына. Анна, наоборотъ, несчастная принцесса, приближающаяся уже къ тридцатилѣтнему возрасту, отправлялась, чтобы сдѣлаться супругой свирѣпаго, развратнаго правителя, поклоняющагося страшнымъ идоламъ, который только на словахъ обращался къ Евангелію мира. Она шла царствовать не надъ націей рыцарей, гражданъ (de bourgeois), ремесленниковъ и священниковъ, а надъ дикими народностями съ буйными нравами, исключительно съ воинскими страстями, группировавшимися въ нѣсколькихъ грязныхъ хижинахъ, пышно украшенныхъ именемъ городовъ. Она шла къ страшнымъ варварамъ, «къ самымъ грязнымъ людямъ, какихъ только создалъ Богъ», какъ восклицаетъ Ибн-Фадланъ, посѣтившій ихъ въ 922 году. Какое отчаяніе должно было сжимать сердце несчастной Порфирогенеты, когда, въ послѣдній разъ обнявъ и поцѣловавъ своихъ двухъ любимыхъ братьевъ, а, можетъ быть, также

1) Кондаковъ. Византійскія церкви и памятники Константинополя, стр. 82 въ Трудахъ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Т. III. Одесса. 1887.

и свою мать Теофано, которая, очень вѣроятно, еще была жива въ это время, увидя среди криковъ и плача, какъ исчезали вдали всѣ эти дорогие образы, она увидѣла съ палубы разукрашенной флагами хеландіи, которая медленно уносила ее къ ея новой мрачной отчизнѣ, какъ попадали поочереды послѣднія очертанія любимыхъ береговъ, поэтическое устье Босфора со скалами Симплегадъ, азіатскимъ берегомъ Килии, съ обширными лѣсными пространствами, которыя теперь представляетъ изъ себя Бѣлградскій лѣсъ (стр. 776—777)».

Оканчивая настоящій томъ фактомъ отправленія царевны Анны въ Кіевъ, г. Шлумбергеръ, къ нашему удивленію, ничего не говоритъ объ обращеніи французскаго короля Гуго Капета въ Византію за невѣстой для своего сына Роберта, что было еще въ началѣ 988 года. При склонности автора рисовать эффектныя картины, описывать душевныя состоянія, это сватовство западнаго короля, почти одновременное со сватовствомъ сѣвернаго варвара, могло дать г. Шлумбергеру обильный матеріалъ. Но во всякомъ случаѣ объ этомъ, по нашему мнѣнію, нужно было хотя бы упомянуть для полноты историческихъ свѣдѣній и именно здѣсь въ концѣ тома. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ въ немногихъ словахъ напомнить исторію этого любопытнаго сватовства.

Будучи избранъ королемъ Франціи на санлискомъ собраніи лѣтомъ 987 года, гдѣ епископомъ Адальберономъ, однимъ изъ главныхъ дѣятелей этой эпохи, смѣло былъ провозглашенъ принципъ избирательнаго престолонаслѣдія для Франціи, Гуго Капетъ сразу заявилъ о желаніи упрочить свою династію тѣмъ, что добился, несмотря на всѣ старанія Адальберона помѣшать этому, коронаціи своего сына Роберта на Рождествѣ 987 года. Послѣ этого Гуго, желая упрочить свое международное положеніе и видя примѣръ на исторіи своихъ сосѣдей — саксонскихъ Оттоновъ, которымъ въ лицѣ Оттона I удалось санкціонировать свою власть бракомъ своего сына Оттона II съ греческой царевной Теофаніей, т. е. породниться съ восточнымъ императоромъ, который былъ прямымъ преемникомъ императоровъ римскихъ, — Гуго задумалъ послѣдовать примѣру германскаго императора въ той надеждѣ, что родственныя связи съ византійскимъ императоромъ, этимъ общепризнаннымъ носителемъ императорскихъ традицій, увеличатъ престижъ его рода внутри Франціи и, поставивъ робертинцевъ въ ту же близость къ первоисточнику свѣтской власти, въ какой находились Оттоны, дадутъ имъ возможность стать на одну доску съ саксонскою династіей¹⁾.

Гуго рѣшилъ отправить въ Византію письмо, составленіе котораго было поручено Адальберону, передавшему это въ свою очередь своему обычному секретарю знаменитому Герберту.

Вотъ текстъ этого любопытнаго посланія въ русскомъ переводѣ.

1) Бубновъ. Сборникъ писемъ Герберта какъ историческій источникъ (983—997). Часть II. Отдѣлъ II. С.-Петербургъ, 1890, стр. 493—495.

«Православнымъ императорамъ Василю и Константину Гугонъ, милостью Божіей король Франковъ.

«Знатность Вашего рода и слава великихъ дѣяній невольно внушаютъ намъ чувство пріязни къ Вамъ. Вы стоите такъ высоко, что ничто на землѣ не можетъ почитаться выше Вашей дружбы. Прося этой священной дружбы и взаимно выгоднаго союза съ Вами, мы не заримся ни на Ваши земли, ни на богатство. Напротивъ, при этихъ условіяхъ все, что принадлежитъ намъ, станетъ Вашимъ. Союзъ съ нами будетъ, если Вы того захотите, Вамъ чрезвычайно полезенъ и принесетъ Вамъ большія выгоды. Ибо противъ нашей воли ни галлъ, ни германецъ не будутъ беспокоить границъ Римской имперіи. Чтобы эти выгоды были для Васъ вѣчными, мы просимъ у Васъ руки дочери священной имперіи для нашего единственнаго сына, который тоже уже король. Вслѣдствіе нашихъ родственныхъ связей съ сосѣдними королями мы не можемъ найти ему здѣсь достойной невѣсты. Если эта просьба удостоится Вашего августѣйшаго вниманія и одобренія, то извѣстите насъ объ этомъ высочайшимъ письмомъ или просто черезъ пословъ. Тогда мы пошлемъ къ Вамъ пословъ, достойныхъ Вашихъ Величествъ, и что было на бумагѣ, совершится въ дѣйствительности» ¹⁾.

Какъ видно изъ текста письма, Гуго говоритъ въ немъ о родственныхъ связяхъ съ сосѣдними государями, не позволявшихъ ему найти невѣсты для сына на Западѣ. Но это конечно было лишь предлогомъ, такъ какъ въ томъ же 988 году Робертъ женился на Сусаннѣ, вдовѣ Арнульфа II, графа фландрскаго. Письмо это было написано въ январѣ мѣсяцѣ 988 года ²⁾.

Тѣмъ не менѣе одинъ изъ новыхъ французскихъ изслѣдователей царствованія Роберта Благочестиваго Пфистеръ считаетъ главной причиной обращенія Гуго въ Византію именно основанія, изложенныя въ письмѣ. По его мнѣнію, Гуго, находясь въ родствѣ со своими сосѣдами—съ Германіей по своему дѣду Генриху I Птицелову, который былъ предкомъ Оттона III, и съ Бургундіей, правитель которой Конрадъ Мирный былъ женатъ на внучкѣ того же Генриха I, не хотѣлъ вступать въ пререканія изъ-за брака на родственницѣ съ духовенствомъ, которому онъ былъ особенно обязанъ своимъ избраніемъ. Это и было, по мнѣнію Пфистера, причиною сватовства Гуго въ Константинополь. «*Quel triomphe, прибавляетъ авторъ, pour la maison de France, si la monarchie de Constantinople accueillait sa demande comme elle avait autrefois accueilli celle de l'Allemagne!*» ³⁾.

1) См. Бубновъ. Ч. II. От. II, стр. 496—497. Havet. *Lettres de Gerbert* (983—997). Paris. 1889, p. 101—102. Французскій переводъ этого письма см. у Pfister. *Études sur le règne de Robert le Pieux* (996—1031). Paris 1885, p. 42—43 въ *Bibliothèque de l'École des Hautes Études*. Fasc. 64.

2) Бубновъ. Ч. II. Отд. II. стр. 497.

3) Pfister. *Études sur le règne de Robert le Pieux*. Paris. 1885, p. 42.

Неопредѣленность выраженія въ письмѣ «*filia sancti imperii*» не позволяютъ положительно утверждать, что здѣсь нужно разумѣть непременно Анну, дочь Василя и Константина, сдѣлавшуюся вскорѣ супругою русскаго князя Владиміра, хотя послѣднее и возможно. Пфистеръ прямо говоритъ, что Гуго просилъ у Василя и Константина руки одной изъ ихъ родственницъ для своего сына ¹⁾. Съ нимъ соглашается Бубновъ ²⁾. Французскій ученый Navet, издавшій письма Герберта одновременно съ появленіемъ труда Бубнова, предполагаетъ Евдокію, старшую дочь Константина VIII, и сомнѣвается даже въ томъ, что это письмо было когда-нибудь послано; можетъ быть, Гуго и не зналъ о немъ ³⁾. Но послѣднее предположеніе не можетъ быть принято ⁴⁾.

Отмѣтимъ еще, что въ началѣ прошлаго столѣтія появилась работа M. de Camps, Abbé de Signy «*Dissertation sur les cinq mariages de Robert, surnommé le Pieux, roy de France*» ⁵⁾, гдѣ приведенъ, между прочимъ, и французскій переводъ письма Герберта ⁶⁾. Молчаніе объ этомъ бракѣ историковъ, которые описывали жизнь короля Роберта, говоритъ авторъ, могло возбудить сомнѣніе въ его совершеніи; однако въ источникахъ можно найти нѣкоторыя указанія, и, повидимому, бракъ принцессы, старшей дочери короля Гуго съ Романомъ, сыномъ императора Константина, былъ заключенъ въ то же время, для доказательства чего аббатъ приводитъ въ латинскомъ переводѣ мѣсто изъ хроники Зонары ⁷⁾. Но во первыхъ, здѣсь идетъ рѣчь не о сынѣ Гуго, а о дочери, а во вторыхъ, въ этомъ мѣстѣ Зонара говоритъ не о Константинѣ VIII, а о Константинѣ VII Порфирородномъ, и не о Гуго Капетѣ, а о Гуго Прованса, который былъ нѣкоторое время королемъ Италіи ⁸⁾.

Несомнѣнно, что обращеніе Гуго не имѣло никакихъ послѣдствій: изъ Византіи или не было послано отвѣта, или отвѣтъ былъ отрицательный ⁹⁾. Здѣсь нужно имѣть въ виду, въ какой затруднительный моментъ для Византіи должно было придти туда это письмо, когда съ

1) Pfister op. cit. p. 42.

2) Бубновъ. Ч. II. Отд. II, стр. 498—текстъ и прим. 7.

3) Navet. Lettres de Gerbert. Paris. 1889, p. 102, rem. 2.

4) Бубновъ. Ч. II. Отд. II, с. 499, пр.

5) Напечатано во французскомъ журналѣ Le Mercure. Mars. 1723, p. 446—469.

6) M. de Camps. Dissert. sur les cinq mariages, p. 457—458.

7) M. de Camps op. cit. p. 458. Вотъ греческій текстъ этого мѣста Зонары: ἐφρόντιζε δὲ ὁ αὐτοκράτωρ (Κωνσταντῖνος) ἡδὴ θαναούσης τῆς τῷ υἱῷ αὐτοῦ Ῥωμανῷ συζυγείσης θυγατρὸς τοῦ τῶν Φράγγων ῥηγὸς Οὐῶνος, ἐτέραν ἀγαγέσθαι αὐτῷ γαμετήν. (Zonar. ed. Dind. U. IV, p. 68. Lib. XVI. Cap. XXII).

8) См. Rambaud. Constantin Porphyrogennète. Paris. 1870, p. 311. Pfister op. cit. p. 43, rem. 2.

9) Исправляемъ маленькую неточность Пфистера, который говоритъ: Certes la lettre était adroite. Les éloges de Gerbert durent beaucoup flatter Basile, si fier de ses victoires sur les Bulgares (p. 43). Но вѣдь до 989 года Васиій отъ болгаръ кромѣ поражений ничего не видѣлъ; всѣ его побѣды надъ ними, давшія ему прозваніе Болгаробойцы, относятся ко второй половинѣ его правленія.

одной стороны возстаніе Варды Фоки, съ другой побѣдоносное наше- ствіе болгарь угрожали самому существованію македонской династіи. Это тяжелое, можно сказать критическое положеніе византійскаго госу- дарства и кипучая дѣятельность, выказанная Васи́лемъ, прекрасно обри- сованы въ книгѣ г. Шлumberгера.

Вотъ каково въ общихъ чертахъ содержаніе этого выдающагося труда.

Съ общей ученой точки зрѣнія это сочиненіе, искусно написанное на основаніи всего доступнаго обширнаго матеріала, должно занять почет- ное мѣсто среди трудовъ по византійской исторіи. Эту книгу будетъ чи- тать не только ограниченный кругъ ученыхъ спеціалистовъ; написанная красивымъ языкомъ, излагая событія въ ясной, общедоступной формѣ, она должна доставить пріятное и поучительное чтеніе для всякаго ин- тересующагося серьезнымъ чтеніемъ человѣка. Съ русской точки зрѣнія книга г. Шлumberгера тѣмъ цѣнна, что она впервые выяснила Запад- ной Европѣ важное значеніе для той эпохи трудовъ русскихъ ученыхъ— проф. Васильевскаго, бар. Розена, Успенскаго, Дринова. Хотя въ послѣд- нее время на Западѣ и говорятъ, что для изученія византійской исторіи русскій языкъ необходимъ; но еще далеко до того, чтобы эта необходи- мость дѣйствительно созналась, и чтобы всѣ занимающіеся византійской исторіей знали порусски. Пора бы уже не писать болѣе подобныхъ строкъ, которыя мы можемъ встрѣтить и у г. Шлumberгера, не знаю- щаго порусски, и для котораго всѣ русскіе труды должны быть пере- ведены на французскій языкъ; говоря о трудѣ Дринова и восхваляя его, онъ прибавляетъ: *je me contenterai de l'analyser rapidement, renvoyant à la lecture de ces pages, malheureusement écrites en langue russe, le lecteur desirieux d'éclairer plus complètement sa religion* (p. 592).

Закончимъ наши строки, вмѣстѣ съ проф. Успенскимъ, пожеланіемъ, чтобы книга г. Шлumberгера нашла въ Россіи многихъ читателей.

А. Васильевъ.

Парижъ.

3 января 1898 года.

Μαργαρίτης Γ. Δήμιτσας. Ἡ Μακεδονία ἐν λίθοις φθεγγομένοις καὶ μνημείοις σωζομένοις ἤτοι πνευματικὴ καὶ ἀρχαιολογικὴ παράστασις τῆς Μακεδονίας ἐν συλλογῇ 1409 ἑλληνικῶν καὶ 189 λατινικῶν ἐπιγραφῶν καὶ ἐν ἀπεικονίσει τῶν σπουδαιότερων καλλιτεχνικῶν μνημείων. Ἀθήνησιν. 1896. 40 и 1046 стр. 8-0 Ц. 20 фр.

Разбросанность эпиграфическаго матеріала, особенно греческаго, обще- извѣстна, и едва ли скоро суждено ей прекратиться, если объединеніе надписей въ корпусахъ будетъ сосредоточиваться въ рукахъ одной Бер- линской академіи наукъ. Послѣдняя при томъ ограничивается пока только надписями древними, исключая христіанскія и византійскія, для которыхъ